

9. Губанов С. С. Державний прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция. – М.: Книжный мир, 2012. – 224 с.
10. Енциклопедія історії України: Т. 3: Е-Й / Редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін.; НАН України, Ін-т історії України. – К.: Наук. думка, 2005. – 672 с.
11. Задоя А. А. Новая индустриализация в контексте стратегических целей Украины / А. А. Задоя // Бюлетень Міжнародного Нобелівського економічного форуму. – 2012. – №1 (5). – Т. 1. – С. 146-154.
12. Иванов С. В. Оцінка перспектив неоіндустріальної модернізації промислового регіону / С. В. Иванов, Є.В. Котов // Вісник економічної науки України. – 2016. – №1. – С. 61-70.
13. Каминский П. Д. Анализ подходов к развитию крупных промышленных комплексов в условиях неоиндустриализации / П. Д. Каминский // Глобальні та національні проблеми економіки. – 2014. – Вип. 2. – С. 532-537.
14. Кузнецов Н. В. Неоиндустриализация – основа обеспечения конкурентоспособности предпринимательских структур / Н. В. Кузнецов // Экономика и управление народным хозяйством. – 2016. – С. 80-83.
15. Малік М. А. Неоіндустріалізація національної економіки в контексті світових інтеграційних процесів: автореф. дис. ... канд. екон. наук: 08.00.03 / М.А. Малік; МОН України, ДДМА. – Краматорськ., 2015. – 21 с.
16. Наймушин В.Г. «Постиндустриальные» иллюзии или системная неоиндустриализация: выбор современной России / В.Г. Наймушин // Экономист. – 2009. – № 4. – С. 47-52.
17. Основные направления инвестиционной политики в контексте задач новой индустриализации: науч. доклад / Ин-т экон-ки РАН. – 62 с.
18. Примаков Е. Реиндустриализация или постиндустриализация / Е. Примаков // Прямые инвестиции. – 2012. – № 3 (119). – С. 3.
19. Прушківська Е. В. Неоіндустріалізація як процес оновлення вторинного сектору економіки в період економічної нестабільності / Е. В. Прушківська // Теоретичні і прикладні питання економіки. – 2013. – Вип. 28. – Т. 1. – С. 191-197.
20. Романова О. А. Промышленная политика как инструмент неоиндустриализации региональных промышленных систем / О. А. Романова, Ю. Г. Лаврикова // Экономические и социальные перемены (факты, тенденции, прогноз). – 2012. – № 6 (24). – С. 67-77.
21. Романова О. А. Неоиндустриализация как фактор повышения экономической безопасности старопромышленных регионов / О. А. Романова // Экономика региона. – 2012. – № 2. – С. 70-80.
22. Шмелев Н. П. Проблемы экономического роста развивающихся стран / Н. П. Шмелев. – М.: Наука, 1970. – 253 с.
23. Юдина Т. Н. Деиндустриализация и новая индустриализация (реиндустриализация): Россия и Китай / Т.Н.Юдина // Теоретическая экономика. – 2015. – №1. – С. 76-78.
24. Cairncross A. What is deindustrialization? in. Blackaby F. (ed). Deindustrialisation, London, Pergamon, 1982. – P. 5-17.
25. Encyclopedia of the Social History / ed. by P.N. Stearns. – New York; London, 1994. – P. 347.
26. Sullivan A. Economics: Principles in action. / Arthur O'Sullivan, Steven M. Sheffrin. – Upper Saddle River, New Jersey, 2007. – P. 472.
27. The Encyclopedia of Sociology. – NY, 1981. – P.135.
28. The MIT Dictionary of Modern Economics. 4th Edition / ed. by D.W. Pearce. – Cambridge (Mass.). – 1992. – P. 204.
29. The Social Science Encyclopedia / ed. by A. Kuper, J. Kuper. – London. – 3 ed. – 2004. – P.493.

А. С. Вишнеvский

канд. экон. наук

Международный центр исследований социально-экономических проблем модернизации и развития кооперации, г. Полтава

ВЛИЯНИЕ РИСКОВ ДЕЛЕГИТИМАЦИИ ТЕРРИТОРИИ НА ПРОЦЕССЫ МОДЕРНИЗАЦИИ И КООПЕРАЦИИ: ВОЗМОЖНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ

Непрерывная модернизация экономики является необходимым условием экономического роста для любой экономической системы. Особенно отчетливо это проявляется в эпоху усиливающегося доминирования инновационной модели развития, основанной на результатах научно-технического прогресса. Базисом модернизационных процессов всегда выступала различного рода кооперация, которая имеет место между трудом и капиталом, а также внутри самого труда (в виде его разделения) и капитала (например, B2B бизнес). Нарушение кооперационных связей приводит к замедлению модернизационных процессов, или вообще делает их невозможными. Существует гипотеза, что самодостаточный рынок, в рамках которого будут

окупаться новые разработки, должен иметь численность не менее 400 миллионов человек [1]. Следовательно, выпадение из глобальной или соответствующей региональной системы разделения труда территорий с условно небольшим населением (до 5 млн человек) формирует риски для модернизации и развития их экономики.

Исследования научного сообщества в мире и Украине преимущественно сосредоточены на изучении теоретических основ модернизационных процессов [2], особенностей неоиндустриальной модернизации [3], глобального характера модернизации и его особенности [4], межфирменной кооперации и модернизации предприятий [5]. Глубоким и многосторон-

ним исследованием является работа Н. А. Добронрава «Модернизация на обочине: выживание и развитие непризнанных государств в XX — начале XXI века» [6], где рассмотрены экономические и политические вопросы формирования и развития территорий с неоднозначно определенным международным статусом. Отдельного внимания заслуживает исследование, проведенное С.В. Ивановым [7], нацеленное на оценку влияния вооруженного конфликта на стоимость предприятия, поскольку формированию квазигосударственных образований (далее КГО), не получивших международное признание, зачастую предшествует именно военный конфликт. А военный конфликт — это всегда результат наличия двух и более центров власти, которые одновременно не могут быть легитимными на международной арене. Таким образом, наличие военного конфликта не только приводит к прямому ущербу для населения и предприятий, но также формирует риски нарушения институциональной среды и кооперационных связей. Отсюда следует, что вероятность наступления вооруженного конфликта может быть использована для проведения оценок риска делегитимации территорий.

Подытоживая краткий обзор проведенных ранее исследований можно утверждать, что, в целом, риск ориентированный анализ с позиции потенциальных возможностей управления этими рисками не проводится, а акцент делается на последствиях наступления рисков, а не на их предупреждении и системном управлении. Это обусловило выбор тематики исследования и предопределило цель данной публикации.

Целью статьи является описание потенциала управления риском ограничения кооперативных связей в глобальных модернизационных процессах в результате международной делегитимации территорий. Анализ возможности применения методов управления рисками проводится на территориальном, предпринимательском и индивидуальном уровнях.

Под *модернизацией экономики* в рамках данного исследования понимается освоение и использование современных технологий в производстве, распределении, обмене и потреблении товаров и услуг.

Риск, подлежащий управлению, заключается в снижении возможностей для участия в процессе модернизации индивидов, предприятий или учреждений через попадание на международно непризнанную территорию (далее — риск). Целью, которую преследуют индивиды, предприятия и учреждения, как субъекты реализации своих собственных стратегий, считается максимальное участие в процессе модернизации для удовлетворения своих экономических потребностей.

Международно непризнанная территория (далее — МНТ) в данном исследовании более всего соответствует определению «почти государства» (almost states), которое предполагает, наличие контроля над территорией со стороны фактических властей и отсутствие международного признания [6].

Общая схема взаимосвязи международной делегитимации территории, кооперации и модернизации заключается в следующем: «конфликт, часто вооруженный» => «реализация риска международной делегитимации территории» => «нарушение кооперации» => «замедление процесса модернизации».

Оценка возможности управления риском проводится с позиции теоретических и методологических разработок, которые предложены Комитетом спонсорских организаций Комиссии Тредвея (COSO) [8] и включают в себя: принятие риска, сокращение риска, передачу (перераспределение) риска и уклонение от риска¹.

Учитывая, что рассматриваемый риск непосредственно связан с территорией, последовательность анализа построена от территориального уровня к индивидуальному уровню.

Территориальный уровень управления рисками

Органы государственной, региональной и муниципальной власти, как правило, игнорируют риски образования квази-государственных образований на подконтрольных в данный момент им территориях.

Типичным примером является Украина и её регионы, где наблюдалось и наблюдается систематическое игнорирование риска международной делегитимации территорий. Это имело место, как до 2014 года, несмотря на соседство Украины с Приднестровской Молдавской Республикой, так и после начала вооруженного конфликта на Донбассе и образования Отдельных районов Донецкой и Луганской областей в 2014 году.

Например, в Государственной стратегии регионального развития до 2015 года [9] только вскользь упоминаются риски «появления техногенных катастроф», а комплексный анализ рисков отсутствует.

Аналогична ситуация и на региональном уровне, что хорошо прослеживается на примере областей, которые граничат с Молдовой и Приднестровской Молдавской Республикой. Стратегия экономического и социального развития Одесской области на период до 2015 года [10], Стратегия регионального развития Винницкой области на период до 2015 года [11] и Стратегия развития Черновицкой области на период до 2015 года [12] не содержат анализа рисков.

После 2014 года ситуация не изменилась. В Стратегии устойчивого развития «Украина — 2020» [13] анализ рисков также отсутствует, а в Государственной стратегии регионального развития на период до 2020 года лишь указано [14], что «з початку 2014 року з'явилися додаткові ризики, пов'язані як із зовнішнім впливом дій Російської Федерації стосовно Автономної Республіки Крим, м. Севастополя та східних регіонів України, так і з внутрішніми чинниками, що по-

¹ • Уклонение от риска. Прекращение деятельности, ведущей к риску. Уклонение от риска может включать закрытие производства определенной линии продукции, отказ от выхода на новые географические рынки или решение о продаже подразделения;

• Сокращение риска. Предпринимаются действия по уменьшению вероятности и/или влияния риска, что, как правило, требует принятия большого числа оперативных решений, касающихся организации деятельности;

• Перераспределение риска. Уменьшение вероятности и/или влияния риска за счет переноса или иного распределения части риска. Распространенными способами перераспределения риска является приобретение страховых полисов, проведение операций хеджирования и передача соответствующего вида деятельности сторонней организации;

• Принятие риска. Не предпринимаются никаких действий для того, чтобы снизить вероятность или влияние события [8].

рождені недосконалістю державної політики»¹. Однак аналіз цих ризиків і підхід к їх управлінню как і раніше відсутній.

На регіональному рівні в Стратегії розвитку Донецької області на період до 2020 року вказано среди угроз «продовження на території області озброєного протистояння в межах антитерористичної операції, що супроводжуватиметься погіршенням соціально-гуманітарної та екологічної ситуації в регіоні»² [15, с.54]. А в стратегії сусідньої Харківської області лиш констатується в рамках аналізу негативного сценарія: «Якщо активні військові дії на Сході набудуть затяжного характеру, а територія їх проведення розширюватиметься, негативні тенденції набудуть особливої гостроти»³ [16, с.166].

Возникает вопрос: «насколько оправданным является игнорирование подобного рода рисков?». Ведь международно непризнанных территорий насчитывается несколько десятков [6], а среди них некоторые появились в последние годы⁴. Более того особым пространством можно считать территорию бывшего СССР, где на 15 бывших союзных республик приходится как минимум 6 действующих КГО: Отдельные районы Донецкой области (ДНР), Отдельные районы Луганской области (ЛНР), Приднестровская Молдавская Республика, Южная Осетия, Абхазия, Нагорный Карабах. Формирование каждого из перечисленных КГО сопровождалось военным конфликтом. И еще стоит учитывать два КГО, прекративших своё существование: Чеченская Республика Ичкерия и Республика Гагаузия.

Таким образом, можно попытаться провести грубую оценку вероятности образования МНТ на государственном и региональном уровне, исходя как из статистики конфликтов в мире, так и отдельно для постсоветских стран.

При условии сохранения текущего состояния глобальной мир-системы и динамики вооруженных конфликтов, можно прогнозировать, используя классическое определение вероятности⁵. Тогда, учитывая, что с начала 21 века было зафиксировано 67 военных конфликтов, а число государств членом ООН – 193, вероятность отдельно взятой страны столкнуться с вооруженным конфликтом в ближайшие 15 лет составит более 1/3.

С другой стороны на 15 бывших союзных республик приходится 8 действующих и прекративших существование непризнанных территорий. То есть исходя из грубых расчетов, можно предположить, что в ближайшие 25 лет в отдельно взятой постсоветской стране вероятность образования международно непризнанных как государства территорий составляет 8/15.

Национальные стратегии разрабатываются, как правило, на 5-8 лет, следовательно вероятность вооруженных конфликтов и образования КГО на МНТ составляет около 10%, если рассматривать эти процессы на государственном уровне.

При переходе на региональный уровень для постсоветских стран вероятность попадания отдельного региона или его части в категорию вне международной юрисдикции на порядок снижается (табл. 1) и составляет около 1% на рассматриваемом ранее горизонте стратегирования.

Таблица 1

Отношение площади КГО на МНТ к площади «материнского» государства

№ п/п	Международно признанные государства		КГО на МНТ		Отношение столбца «3» к столбцу «5»
	название	площадь, тыс. км ²	название	площадь, тыс. км ²	
1	2	3	4	5	6
1	Россия	17125,191	Чеченская Республика Ичкерия	15,9	0,09%
2	Грузия	69,7	Южная Осетия и Абхазия	12,565	18,03%
3	Молдова	33,846	ПМР + Гагаузия	6,011	17,76%
4	Украины	603,549	ОРДЛО + Крым	41,421	6,86%
5	Азербайджан	86,6	Нагорно-Карабахская Республика	11,5	13,28%
Среднее значение					11,20%

¹ Перевод автора: «с начала 2014 года появились дополнительные риски, связанные как с внешним влиянием действий Российской Федерации относительно Автономной Республики Крым, Севастополя и восточных регионов Украины, так и с внутренними факторами, вызванными несовершенством государственной политики».

² Перевод автора: «продолжение на территории области вооруженного противостояния в рамках антитеррористической операции, будет сопровождаться ухудшением социально-гуманитарной и экологической ситуации в регионе».

³ Перевод автора: «Если активные военные действия на Востоке примут затяжной характер, а территория их

проведения будет расширяться, негативные тенденции приобретут особую остроту».

⁴ К таким территориям можно отнести: Исламское государство, Иракский Курдистан, Сирийский Курдистан, Аль-Каида и Исламское государство в Йемене. Особые регионы Донецкой и Луганской областей, <http://www.geopolitics.ru/karta-sajta/vse-nepriznannye-gosudarstva/>.

⁵ Вероятностью события A называют отношение числа m благоприятствующих этому событию исходов к общему числу n всех равновероятных несовместных элементарных исходов, образующих полную группу, и обозначается $P(A) = m/n$.

Очевидно, что представленные выше расчеты не претендуют на строгую точность с точки зрения теории вероятностей и математической статистики, а лишь стремятся продемонстрировать, что риски попадания людей, предприятий, и учреждений на МНТ являются существенно выше нуля и не могут игнорироваться со стороны органов государственной власти и местного самоуправления.

С позиции возможных методов управления рисками уклонение от риска невозможно, а его передача сильно ограничена. Невозможность уклонения от риска следует из привязки органов власти, представленных соответствующими учреждениями к конкретной территории. Передача риска в виде классического страхования невозможна в силу отсутствия соответствующего покрытия на страховом рынке. Также минимальны возможности для использования хеджирования, хотя данный инструмент для государственных и муниципальных закупок за границей в полной мере применим.

Единственным разумным способом управления данным риском являются мероприятия по снижению вероятности и последствия его наступления. В качестве меры оценки последствий можно использовать площадь территории под риском, которая может стать МНТ. При этом очевидным инструментом является формирование возможностей для проведения диалога в широком смысле этого слова на национальном и региональном уровнях, а также формирование максимально прочных экономических связей на глобальном и национальном уровнях.

С методологической позиции можно считать, что органы государственной и региональной власти данным риском управляют путем его принятия. Однако это не так. Учитывая, что данный риск не озвучивается и не оценивается, то и формальное принятие этого риска является не продуктом осмысленного стратегического решения, а следствием его игнорирования на этапе стратегического анализа.

Бизнес уровень управления риском

Бизнес как и органы государственной и местной власти довольно часто исходит из предположения, что будет стабильная ситуация на конкретной территории. Хотя стоит признать, что коммерческие компании являются более гибкими, чем органы государственной и местной власти. И имеют место примеры, когда бизнес до начала каких-либо волнений имеет план действий на случай невозможности продолжения деятельности на данной территории.

Однако такая модель характерна для бизнеса, который основан на использовании преимущественно человеческого капитала и ведет деятельность в сфере информационный технологий или в значительной мере использует их. Также эта модель применима в большей степени для малого бизнеса, чем для старопромышленного крупного, деятельность которого связана с эксплуатацией капитальных зданий, сооружений и оборудования, которое физически привязано к конкретной местности. Несколько лучше ситуация для

транснациональных компаний (ТНК) вследствие возможности перемещения персонала в другие страны, где осуществляется деятельность.

В случае реализации риска бизнес может выпасть из глобальных цепочек создания добавленной стоимости, лишится поставки современного оборудования и рынков сбыта, столкнуться с оттоком квалифицированных кадров. И как результат – прекратить полноценное участие в использовании и производстве передовых технологий.

С позиции методов управления рисками бизнес имеет частичную возможность уклониться от риска попадания на МНТ посредством перемещения на другую территорию. Возможности для передачи риска путем страхования минимальны, а хеджирование может быть использовано лишь косвенно в отношении валютных рисков. Снижение последствий реализации риска возможно за счет повышения мобильности бизнеса и степени его виртуализации.

Между тем значительная часть предприятий пассивно принимает данный риск, фактически игнорируя его.

Индивидуальный уровень

На индивидуальном уровне участие в процессе модернизации в основном проявляется на этапе производства и потребления. Соответственно риск международной делегитимации территории усложняет возможности для участия экономически активного населения в процессе производства высокотехнологичной продукции, так как инвестиции в виде современных технологий не привлекаются, а заведенные ранее выводятся.

Принятие риска попадания на МНТ для индивида можно рассматривать как вполне адекватную стратегию, так как уже после его наступления можно перейти к методу уклонения, то есть переместиться на международно признанную территорию. В случае дальнейшего проживания и ведения деятельности на МНТ сложности будут проявляться в отношении трудоустройства на технологически современных производствах. В то же время потребление может остаться в значительной степени высокотехнологичным¹, однако стоимость его возрастет в силу увеличения транзакционных издержек по ввозу товаров на МНТ.

Сокращение данного риска для индивида возможно за счет снижения его фактического влияния. Уменьшить вероятность его наступления за пределами возможностей отдельно взятого индивида. Снижение последствий влияния риска может быть реализовано путем удаленного участия в высокотехнологичной трудовой деятельности, например, работая в качестве фрилансера, разрабатывающего программное обеспечение или предоставляющего образовательные услуги. Таким образом, снижение риска может быть достигнуто путем диверсификации и виртуализации деятельности.

Передача риска в виде страхования от подобного риска невозможна.

¹ Проживание на МНТ не мешает пользоваться продукцией n-p Apple, однако вероятность размещения производства такой компании, где в дальнейшем можно трудоустроиться резко снижается.

Уклонение от риска для индивида возможно за счет перемещения на международно признанную территорию, которая участвует в глобальном разделении труда.

Обобщая возможности для управления рисками попадания на МНТ для разных уровней управления (табл. 2), можно заключить, что сокращение риска возможно на всех уровнях, а его передача практически невозможна.

Таблица 2

Возможность применения различных методов управления риском на различных уровнях

Уровни управления	Метод реагирования на риск			
	Уклонение от риска	Принятие риска	Сокращение риска	Передача риска
1. Территориальный	Невозможно	Невозможно	Возможно	Практически невозможно
2. Хозяйственный	Частично возможно	Возможно	Частично возможно	Практически невозможно
3. Индивидуальный	Возможно	Возможно	Частично возможно	Практически невозможно

Выводы

1. Риск международной делегитимации территории является весьма значительным, чтобы его игнорировать, однако учреждения, которые представляют территориальные образования, им пренебрегают. В рамках предложенной логики можно считать, что для случайно выбранного государства вероятность появления МНТ составляет около 10% в течении 5-8 лет. Для регионов данный риск на порядок ниже. Однако, учитывая, что значимость риска определяется комбинацией вероятности его наступления и возможных последствий, которые более чем существенные, данные риски необходимо учитывать при стратегическом планировании на всех уровнях.

2. Инклюзивность (включенность) в глобальные процессы модернизации требует от индивидов и предприятий сохранения кооперативных связей с глобальными полюсами экономического роста. В случае реализации риска необходимым становится виртуализация бизнеса или его физическое перемещение на международно признанные территории для сохранения связей через суверенные государства, имеющие международное признание.

3. Минимальный набор управления риском в учреждениях, которые представляют территории или муниципалитеты. Возможность уклониться от риска или передать его у них отсутствует, следовательно, необходимым является снижение риска. Однако региональные органы государственной власти и местного самоуправления, как правило, предпочитают не учитывать данный риск.

Направления дальнейших исследований

В качестве направлений дальнейших исследований необходимо рассмотреть конкретные мероприятия по снижению вероятности и последствий наступления риска делегитимации территории и включения их в процесс стратегического управления любых территориальных образований.

Список использованных источников

1. Вассерман А. Самодостаточный рынок / А. Вассерман [Электронный ресурс] // Бизнес журнал. – 2015. – № 12. – Режим доступа: <http://b-mag.ru/2015/alternatives/samodostatochnyy-ryinok/>.

2. Підоричева І. Ю. Модернізація економіки: теоретичний аспект / І. Ю. Підоричева // Вісник економічної науки України. – 2016. – №1 (30). – С. 114-121.

3. Україна XXI: неоіндустріальна держава або «крах проекту»? : монографія / В.І. Ляшенко, Є.В. Котов; НАН України, Ін-т економіки пром-сті. – Київ, 2015. – 196 с.

4. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / пер. с англ. под общей редакцией Н.И. Лапина / Предисл. Н.И. Лапин, Г.А. Тосунян. – М.: Издательство «Весь Мир», 2011. – 256 с.

5. Бараненко С.П. Современные формы межфирменной кооперации как базис процессов обновления и модернизации предприятий / С.П. Бараненко, К.Д. Бусыгин // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2014. – № 7-1. – С. 91-99.

6. Добронравин Н.А. Модернизация на обочине: выживание и развитие непризнанных государств в XX-начале XXI века / Н.А.Добронравин – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – 252 с.

7. Иванов С.В. Вплив збройного конфлікту (війни, бойових дій) на вартість підприємства: монографія / С.В. Иванов. – Дніпропетровськ: Герда, 2015. – 184.

8. Enterprise Risk Management – Integrated Framework [Electronic resource] / R. M. Steinberg, E.A. Everson, F. J. Martens, L. E. Nottingham. – COSO, 2004. – 123 p. – Mode of access: <http://www.coso.org/>.

9. Про затвердження Державної стратегії регіонального розвитку на період до 2015 року: Постанова Кабінету Міністрів України від 21.07.2006 р. № 1001 // Офіційний вісник України. – 2006. – № 30. – Ст. 2132.

10. Стратегія економічного та соціального розвитку Одеської області на період до 2015 року: Рішення обласної ради від 09.10.2007 р. № 347-V. – Одеса: Одеська обласна рада, 2007. – 97 с.

11. Стратегія регіонального розвитку Вінницької області на період до 2015 року. – Вінниця: Рішення Вінницької Вінницька від 01.06.2007 р. № 291. – Вінниця: Вінницька обласна рада, 2007. – 140 с.

12. Стратегія розвитку Чернівецької області на період до 2015 року: Рішення Чернівецької обласної ради від 28.12.2006 р. № 183-9/06. – Чернівці: Чернівецька обласна рада, 2006. – 108 с.

13. Стратегія сталого розвитку «Україна – 2020»: Указ Президента України № 5/2015 від 12.01.2015 р. //

Офіційний вісник Президента України. – 2015. – №2. – Ст. 154.

14. Державна стратегія регіонального розвитку на період до 2020 року: Постанова Кабінету Міністрів України № 385 від 06.08.2014 р. // Офіційний вісник України. – 2014. – №70. – Ст. 1966.

15. Стратегія розвитку Донецької області на період до 2020 року: Затвержено спільним розпорядженням голови облдержадміністрації, керівника обласної військово-цивільної адміністрації та голови обласної ради від 12.05.2015 р. № 195/16р [Електронний ре-

сурс]. – Краматорськ: Донецька облдержадміністрація, 2015. – 106 с. – Режим доступу: <http://donoda.gov.ua/?lang=ru&sec=03.04&iface=Public&cmd=view&args=id:22709>.

16. Стратегія розвитку Харківської області на період до 2020 року Харків: Затверджена 05.03.2015 р. рішенням Харківської обласної ради [Електронний ресурс]. – Харків, 2015. – 177 с. – Режим доступу: <http://old.kharkivoda.gov.ua/documents/16203/1088.pdf>.

17. Члены Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/member-states/index.html>.

Т. П. Гітис

канд. екон. наук

Донбаська державна машинобудівна академія, м. Краматорськ

ВИЗНАЧЕННЯ ТА ДОСЛІДЖЕННЯ ОБМЕЖУВАЛЬНИХ ФАКТОРІВ РОЗВИТКУ СОЦІАЛЬНОЇ ВІДПОВІДАЛЬНОСТІ БІЗНЕСУ В УКРАЇНІ

Постановка проблеми. За результатами соціологічного опитування, проведеного Центром соціальних експертиз Інституту соціології НАН України та благодійним фондом «Інтелектуальна перспектива», в якому взяли участь 811 підприємств різних розмірів, форм власності та сфер діяльності, бізнес-структури позиціонують своє ставлення до аспектів соціальної відповідальності наступним чином [1]:

– до реалізації соціальних проектів 60% респондентів ставляться позитивно та вважають її корисною для суспільства в цілому; чверть опитаних продемонструвала «нейтралітет»; 5% респондентів зафіксували негативне ставлення, оцінивши таку діяльність як «малю витрату часу та ресурсів»;

– в оцінках можливостей своєї участі у реалізації соціальних проектів – 4% респондентів зазначили відсутність будь-яких можливостей у бізнес-структур для реалізації соціальних проектів; третина вважає, що ця можливість існує стосовно всіх бізнесових організацій; половина опитаних переконана, що така можливість є, але лише в окремих компаній.

Таким чином, український бізнес вважає актуальним впровадження і розвиток соціальної відповідальності у своїй діяльності. Але необхідно відзначити, що соціальна відповідальність бізнесу в Україні перебуває на етапі становлення та спрямовується насамперед на розвиток трудових відносин між робітниками і роботодавцями, а також на заходи із захисту здоров'я та безпеки споживачів. Менш поширеними є заходи щодо захисту природних ресурсів та взаємодії з громадою [2]. Впровадження стандартів соціальної відповідальності потребує розуміння їх суспільної та економічної значущості серед представників українського бізнесу, а також стимулювання підприємств до реалізації соціальних проектів.

Аналіз останніх досліджень. Дослідження напрямків розвитку та поширення соціальної відповідальності в Україні розглядається в працях таких науковців, як О. Ю. Березіна [3], О. М. Головінов [4], А. М. Колот [5], Ю. К. Бегма [6] та ін.

Пріоритетні напрями соціальної відповідальності українських суб'єктів господарювання сформульовано у Стратегії сприяння розвитку соціальної відповідальності бізнесу в Україні на період до 2020 року [2]:

1. У сфері охорони довкілля:

- впровадження інноваційних ресурсозберігаючих технологій;
- попередження негативного впливу на навколишнє середовище;
- використання екобезпечних та енергоефективних технологій;
- повторне використання і утилізація відходів.

2. У сфері забезпечення внеску в розвиток суспільства:

- розробка стратегій соціальної відповідальності компаній з урахуванням інтересів громади і суспільства в цілому;
- створення нових робочих місць в регіонах територіального розміщення підприємств;
- об'єктивне і своєчасне висвітлення інформації про результати діяльності, що є важливою для партнерів та має суспільний інтерес;
- реалізація благодійних заходів, спрямованих на підтримку соціально незахищених верств населення;
- участь у реалізації програм розбудови соціальної інфраструктури та житлово-комунальної сфери території;
- надання спонсорської підтримки дитячим, спортивно-масовим і культурним заходам;
- створення робочих місць для інвалідів;
- забезпечення першого робочого місця для молодих спеціалістів;
- створення умов для проходження практики студентами навчальних закладів;
- щорічне оприлюднення нефінансового звіту своєї діяльності.

3. У сфері корпоративних і трудових відносин:

- налагодження діалогу з профспілковими організаціями, сприяння укладенню колективних договорів;